

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Золото

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Золото: Роман / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 419 с.

ISBN 978-5-519-95145-6

ISBN 978-5-519-95145-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

По ту сторону Краюхина увала начинались шахты: Первинка, Угловая, Шишкаревская, Подаруевская, Рублиха и Спасо-Колчеданская. Кругомъ шахтъ тянулись высокіе отвалы пустой породы, кучи ржаваго кварца, штабели заготовленнаго лѣса и всевозможныя постройки: сараи, казармы, сторожки и цѣлые корпуса. Изъ всѣхъ этихъ шахтъ работала одна Спасо-Колчеданская, надъ которой дымилась громадная кирпичная труба. Гдѣ-то отпыхивала невидимая паровая машина. Зброшенные шахты имѣли самый жалкій видъ,—трубы покосились, всякая постройка гнила и разваливалась. Кишкинъ оглянулъ эту египетскую работу прищуренными глазками и улыбнулся.

— Одна парадная дыра осталась... — проговорилъ онъ, направляясь къ работавшей шахтѣ.—Эй, кто есть живъ человѣкъ: Родіонъ Потапычъ здѣсь?

Изъ сторожки выглянула кудластая голова, посмотрѣла удивленно на Кишкина и, не торопясь, отвѣтила:

— Былъ, да весь вышелъ...

— Ахъ, шибко ему ни дна ни покрывки! — обружался Кишкинъ.

— Ступай на Фотьянку, тамъ его застанешь, — посоветовала голова.

— Легкое мѣсто сказать: Фотьянка... Три версты надо отмѣрять до Фотьянки. Ахъ, старый чортъ... Не сидится ему на одномъ мѣстѣ.

— На брезгу Родивонъ Потапычъ спускался въ шахту и четыре взрыва діомидомъ сдѣлалъ, а потомъ на Фотьянку ушелъ. Тамъ старатели борта домываютъ, такъ онъ ихъ збрить...

Кишкинъ досталъ берестянную тавлинку, сдѣлалъ

жестокую понюшку и еще разъ оглядѣлъ шахты.— Ахъ, много тутъ денежекъ компанія закопала,—тысячъ триста, а то и побольше. Тепленькое мѣстечко досталось: за триста-то тысячъ и десяти фунтовъ золота со всѣхъ шахтъ не взяли. Да, веселенькая игрушка, нечего сказать... Впрочемъ, у денегъ глазъ нѣтъ: закапывай, если лишнихъ много.

Дорога отъ шахтъ опять пошла берегомъ Балчуговки, едва опушенной голымъ ивнякомъ. По всему теченію тянулись еще «казенныя работы» — громадныя разрѣзы, громадныя свалки, громадныя запруды. Даровой трудъ не жалѣли, и вся земля на десять верстъ была изрыта, точно прошелъ какой-нибудь гигантскій кротъ. Кишкинъ даже вздохнулъ, припомнивъ золотое казенное время, когда вотъ здѣсь кипѣла горячая работа, а онъ катался на собственныхъ лошадяхъ. Теперь было все пусто кругомъ, какъ у него въ карманахъ... Кое-гдѣ только старатели подбирали крохи, оставшіяся отъ казенной работы.

Сдѣлавъ три версты, Кишкинъ почувствовалъ усталость. Онъ даже вспотѣлъ, какъ хорошая пристяжка. Лѣсъ точно разступался, открывъ громадное снѣжное поле, заканчивавшееся землянымъ валомъ казенной плотины. Это и была знаменитая Фотьяновская розсыпь, открытая имъ, Андрономъ Кишкинымъ, и давшая казнѣ больше сотни пудовъ золота. Вдали пестрѣло на мысу селенье Фотьянка. Но ему дорога была не туда, а къ плотинѣ. Сейчасъ за плотиной по обоимъ берегамъ Балчуговки были поставлены старательскія работы. Старатели промывали бортѣ, т. е. невыработанные края розсыпи, которые можно было взять только зимой,

когда вода въ забояхъ не такъ «долѣла». Наблюдалъ за этими работами Родіонъ Потапычъ Зыковъ, старѣйшій штейгеръ на всѣхъ Балчуговскихъ золотыхъ промыслахъ. Онъ иногда и ночевалъ здѣсь, въ землянкѣ, которая была выкопана въ насыпи плотины,—съ этой высоты старику видно было все на цѣлую версту. Въ Балчуговскомъ заводѣ у старика Зыкова былъ собственный домъ, но онъ почти никогда не жилъ въ немъ, предпочитая лѣсные избушки, землянки и балаганы.

— Эге, дома лѣсной чортъ! — обругался Кишкинъ, завидя синенькій дымокъ около землянки.

Онъ издали узналъ высокую сгорбленную фигуру Зыкова, который ходилъ около разведеннаго огонька. Старикъ былъ безъ шапки, въ одномъ полушубкѣ, запачканномъ желтой пріисковой глиной. Окладистая сѣдая борода покрывала всю грудь. Завидѣвъ подходящаго Кишкина, старикъ сморщилъ свой громадный лобъ. Надъ огнемъ въ желѣзномъ котелкѣ у него варилъ картофель. Крохотная, закопченная дымомъ, дверь землянки была пріотворена, чтобы провѣтрить эту кротовую нору.

— Миръ на стану! — крикнулъ весело Кишкинъ, подходя къ огоньку.

— Милости просимъ, — отвѣтилъ Зыковъ, не особенно дружелюбно оглядывая нежданнаго гостя. — Куда поволокся спозаранку? Садись, такъ гость будешь...

— А дѣло есть, Родіонъ Потапычъ. И не маленькое дѣльце. Да... А ты тутъ старателей зоришь? За ними, за подлецами, только не посмотри...

— Всѣ хороши,—угрюмо отвѣтилъ Зыковъ. — Картошки хошь?

— Въ золкѣ бы ее испечь, такъ она вкуснѣе, чѣмъ вареная.

— Ишь, лакомый какой... Привыкъ къ баловству-то, когда на казенныхъ харчахъ жиръ нагуливалъ.

— Охъ, не остался этого казеннаго жиру ни капельки, Родіонъ Потапычъ!.. Весь тутъ, а дома ничего не оставилъ...

— Не ври. Не люблю... Разсказывай сказки-то другимъ, а не мнѣ.

Кишкинъ какъ-то укоризненно посмотрѣлъ на суроваго старика и поникъ головой. Да, хорошо ему теперь бахвалиться надъ нимъ, потому что и мѣсто имѣеть, и жалованье, и домъ полная чаша. Зыковъ молча взялъ деревянной спицей горячую картошку и передалъ ее гостю. Незавидное кушанье дома, а въ лѣсу первый сортъ: картошка такъ аппетитно дымилась, и Кишкинъ порядкомъ-таки промялся. Облупивъ картошку и круто посоливъ, онъ проглотилъ ее почти разомъ. Зыковъ, такъ же молча, подалъ вторую.

— А, вѣдь, отлично у тебя здѣсь, Родіонъ Потапычъ, — восторгался Кишкинъ, оглядывая разстилавшуюся передъ нимъ картину.—Много старателей-то?

— Десятка съ три наберется...

Работы начинались саженьяхъ въ пятидесяти отъ землянки. Берегъ Балчуговки точно проржавѣлъ отъ разрытой глины и песковъ. Работа происходила въ двухъ ямахъ, въ которыхъ, пользуясь зимнимъ временемъ, золотоносный пластъ добывался забоемъ. Надъ каждой ямой стоялъ небольшой деревянный воротъ,

которымъ «выхаживали» деревянную бадью съ пескомъ или пустой породой двое «ворѣтниковъ», или «вертелѣвъ». Тутъ же откѣтчики наваливали добытые пески въ ручныя тачки и по деревяннымъ доскамъ, уложеннымъ въ дорожку, свозили на ледъ, гдѣ стоялъ рядъ деревянныхъ вашгердтовъ. Мужики работали на за-боѣ, у воротовъ и на откатнѣ, а бабы и дѣвки промывали пески. Издали картина была пестрая и для зимняго времени оригинальная.

— Ишь, ледяной водой моютъ,—замѣтилъ Кишкинъ тономъ опытнаго пріисковаго человѣка.—Штобы казарму поставить да тепленькой водицей промывку сдѣлать, а то пески теперь смерзались...

— Ничего ты не понимаешь! — оборвалъ его Зыковъ.—Первое дѣло, пески на второй сажени берутъ, а тамъ земля талая,—а второе дѣло—по Фотьянкѣ пески не мясниковатые, а разрушистые... На него плесни водой—онъ и разсыпался какъ крупа. И пески здѣсь крупные, чуть ихъ всполосни... Ничего ты не понимаешь, Шишка!..

— Да, вѣдь, я къ слову сказалъ, а ты сейчасъ на стѣну полѣзъ.

— А не болтай глупостевъ, особливо чего не знаешь. Ну, зачѣмъ пришелъ-то? Говори, а то мнѣ некогда съ тобой балясы точить...

— Есть дѣльце, Родіонъ Потапычъ. Слышалъ, поди, какъ толковали про казенную Кедровскую дачу?

— Ну?

— Вырѣшили ее въ конецъ... Перваго мая срокъ: всѣмъ она будетъ открыта. Кто хочетъ, тотъ и рабо-

таетъ. Конечно, нужно заявки сдѣлать и прочее. Я самъ былъ въ горномъ правленіи и читалъ бумагу.

Въ первое мгновеніе Зыковъ не повѣрилъ и только посмотрѣлъ удивленными глазами на Кишкина, не вретъ ли старая конторская крыса; но тотъ говорилъ съ такой увѣренностью, что сомнѣній не могло быть. Эта вѣсть поразила старика, и онъ смущенно пробормоталъ:

— Какъ же это такъ... гм... А Балчуговскіе промысла при чемъ останутся?

— Балчуговскіе сами по себѣ: вѣдь у нихъ площадь въ пятьдесятъ квадратныхъ верстъ. На сто лѣтъ хватить... Жирно будетъ, ежели бы имъ еще и Кедровскую дачу захватить: тамъ четыреста тысячъ десятинъ... А какія мѣста: по Судохойкѣ рѣкѣ, по Ипатихѣ, по Малиновкѣ—вездѣ золото. Все розсыпи отъ Каленой горы пошли, значитъ, въ ней жилы объявляются.. Тамъ еще казенныя развѣдки были подъ Маяковой сланью, на Филькиной гари, на Колпаковомъ полѣ, у Кедроваго ключика. Однимъ словомъ, палестина необъятная...

— Извѣстно, золота въ Кедровской дачѣ неочерпаемо, а только ты опять зря болтаешь: кедровское золото мудреное,—кругомъ болота, вода долить, а внизу камень. Надо еще взять кедровское-то золото. Не объ этомъ рѣчь. А дѣло такое, что въ Кедровскую дачу кинутся промышленники изъ города и съ Балчуговскихъ промысловъ народъ будутъ сбивать. Теперь у насъ весь народъ, какъ въ чашкѣ каша, а тогда и расплзутся... Ихъ только помани. Народъ отпѣтый,

— Я и то хотѣлъ поговорить съ тобой, Родіонъ Потапычъ,—заговорилъ Кишкинъ искательнымъ тономъ:—дѣло видишь въ чемъ. Я, вѣдь, тогда на казенныхъ ширфовкахъ былъ, такъ одно мѣстечко запримѣтилъ: Пронькина Вышка называется. Хорошіе знаки оказывались... Вотъ бы заявку тамъ хлопнуть.

— Ну?

— Такъ я насчетъ компаніи... Можетъ и ты согласишься. За этимъ и шелъ къ тебѣ... Вѣрное золото.

Зыковъ даже поднялся и посмотрѣлъ на соблазнителя уничтожающимъ взоромъ.

— Да ты въ умѣ ли, Шишка? Я пойду искать золота, штобы сбивать народъ съ Балчуговскихъ промысловъ?.. Да еще съ тобой?.. Ха, ха...

— Не ты, такъ другіе пойдутъ... Я тебѣ же добра желалъ, Родіонъ Потапычъ. А что касается Балчуговскихъ промысловъ, такъ они о насъ съ тобой плакать не будутъ... Ты вотъ говоришь; что я ничего не понимаю, а я, можетъ, побольше твоего-то смыслю въ этомъ дѣлѣ. Балчуговская-то дача рядомъ прошла съ Кедровской, — ну, назаявляютъ пріисковъ на самой грани да и будутъ скупать ваше балчуговское золото, а запишутъ въ свои книги. Тутъ не разбери-бери... Вотъ это какое дѣло!

— А, вѣдь, ты вѣрно,—уныло согласился Зыковъ.—Потащатъ наше золото старателишки. Это ужъ какъ пить дадутъ. Ты ихъ только помани... Теперь за ними не услѣдишь днемъ съ огнемъ, а тогда и подавно! Только я думаю,—прибавилъ онъ:—врешь ты все...

— А вотъ увидишь, какъ я вру.

Наступила неловкая пауза. Котелокъ съ картофелемъ былъ пустъ. Кишкинъ нѣсколько разъ взглядывалъ на Зыкова своими рысьими глазками, точно что хотѣлъ сказать и только жевалъ губами.

— Прежде-то что было Родіонъ Потапычъ!—какъ-то особенно угнетенно проговорилъ онъ наконецъ, втягивая въ себя воздухъ.—Иногда раздумаешься про себя, такъ точно во снѣ... Развѣ нынче промысла? Развѣ работы?

— Што старое-то вспоминать, какъ баба о прошлогоднемъ молокѣ.

— Нѣтъ, всегда вспомню!.. Кто Фотьяновскую розсыпь открылъ? Я... да. На полтора милліона рублей золота въ ней добыто, а вотъ я нагъ и сиръ...

Кишкинъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, и мелкія старческія слезинки покатались у него по лицу. Это было такъ неожиданно, что Зыковъ какъ-то смущенно пробормоталъ:

— Ну, будетъ тебѣ... Экъ, што вздумалъ вспоминать!..

— Да!..—уже со слезами въ голосѣ повторялъ Кишкинъ.—Да... Легко это говорить: перестань!.. А никто не спросить, какъ мнѣ живется... да. Можетъ, я кулакомъ слезы-то вытираю, а другіе радуются... Тѣхъ же горныхъ инженеровъ взять: свои дома имѣютъ, на рысакахъ катаются, а я вотъ на своихъ на двоихъ вышагиваю. А отчего, Родіонъ Потапычъ? Воровать я во-время не умѣлъ... да.

— Было и твое дѣло, што тутъ грѣха таить!..

— Да што было-то? Дадутъ три сторублевыхъ билета, а сами десять тысячъ украдутъ. Я же ихъ и

покрывалъ: моихъ рукъ дѣло... Въ тѣ поры отсѣчь бы мнѣ руки, да и то мало. Дуракъ я былъ... Въ глаза мнѣ надо за это самое наплевать, въ водѣ утопить, потому кругомъ дуракъ. Когда я Фотьяновскую розсыпь открылъ, содержаніе въ пескахъ полтора золотника на сто пудовъ, значитъ съ работой обошелся онъ казнѣ много-много шесть гривенъ, а управитель Фроловъ по 3 рубля золотникъ ставилъ. Это отъ каждаго золотника по 2 р. 40 копеекъ за здорово живешь въ карманъ къ себѣ клали. А фальши-то што было... Вѣдь я разносилъ по книгамъ-то всѣ расходы: гдѣ десять рабочихъ—писалъ сто, гдѣ сто кубическихъ сажень земли вынуто—писалъ тысячу... Жалованье я же сочинялъ такимъ служащимъ, какихъ и на свѣтѣ не бывало. А Фроловъ мнѣ все твердитъ: «Погоди, Андронъ Евстратычъ, подѣлимся потомъ: рука, слышь, руку моетъ...» Умылъ онъ меня. Самъ-то сахаромъ теперь поживаетъ, а я вонъ въ какомъ образѣ щеголяю. Только-только копеечку не подають...

— А домъ гдѣ? А всякое обзаведенье? А деньги?—накинулся на него Зыковъ съ ожесточеніемъ.—Тебѣ руки-то отрубить надо было, когда ты въ карты сталъ играть, да мадеру сталъ лакать, да пустяками сталъ заниматься... Въ чьемъ дому сейчасъ Ермошка кабатчикъ какъ клопъ раздулся? Ну-ка, скажи, а?..

— Было и это,—согласился Кишкинъ.—Тысячъ съ пять въ карты проигралъ и мадеру пилъ... Было. А Фроловъ-то по двадцати тысячъ въ одинъ вечеръ проигрывалъ. Помнишь, старый разрѣзъ въ Выломкахъ, его еще рекрута работали,—такъ мы его за новый списали, а вѣдь это, говорятъ, голенькихъ сорокъ тысячъ

рубликовъ казна заплатила. Ревизоръ пріѣхалъ, а мы дно раскопали да старыя свалки сверху песочкомъ посыпали — и сошло все. Положимъ, ревизоръ-то тоже уѣхалъ отъ насъ, какъ мышъ изъ ларя съ мукой, — и къ лапкамъ пристало, и къ хвосту, и къ усамъ. Эхъ, да что тутъ говорить...

— Кто старое помянетъ — тому глазъ вонъ. Было да сплыло...

II.

Зыковъ чувствовалъ, что не даромъ Кишкинъ распи-нается передъ нимъ и про старину болтастъ «неподобное», а поэтому молчалъ, плотно сжавъ губы. Крѣпкій старикъ не любилъ пустыхъ разговоровъ.

— Ну, братъ, мнѣ некогда, — остановилъ онъ гостя, поднимаясь. — У насъ сейчасъ сывка... Вонъ объѣздной съ кружкой ѣдетъ.

На правомъ берегу Балчуговки тянулся каменистый увалъ, извѣстный подъ именемъ Ульянова кряжа. Черезъ него змѣйкой вилась дорога въ Балчуговскую дачу. Сейчасъ за Ульяновымъ кряжемъ шли тоже старательскія работы. По этой дорогѣ и ѣхалъ верхомъ объѣздной съ кружкой, въ которую ссыпали старательское золото. Зыковъ разстегнулъ свой полушубокъ, чтобы порепопоясаться, и Кишкинъ замѣтилъ, что у него за ситцевой рубахой что-то отдувается.

— Это у тебя что за рубахой-то покладено, Родионъ Патапычъ?

— А діомитъ... Я его по зимамъ на себѣ ношу, потому какъ холоду этотъ самый діомитъ не любитъ.